

63.3 (2Р36-4КУР)

п 55

100000

марафонский поэтический
конкурс «Большой Фонд»

от составителей

ПОМНИ ВОЙНУ

Том IV

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

Курганская областная библиотека им.
А. К. Юргола 2004

Книгохранилище

002К

К03(07)

Посвящается 60-летию Победы
в Великой Отечественной войне

ПОМНИ ВОЙНУ
Том IV
Детство, опаленное войной

Книга издана по инициативе Губернатора
Курганской области О.А.Богомолова

Составители: А.И.Букреев, В.А.Есетов

Администрация Курганской области, составители выражают искреннюю признательность воспитанникам и воспитателям детских домов, журналистам, краеведам, работникам архивов – всем, кто проявил заинтересованное участие в подготовке к изданию этой книги.

Сборник отражает героические и трагические страницы истории области, показывает лучшие качества Зауральцев: мужество, трудолюбие, милосердие, сострадание, готовность прийти на помощь в трудную минуту. Книга рассчитана на все категории читателей и может быть использована при изучении истории родного края в учебных заведениях области.

ISBN 5-86047-181-5

Нина Суханова
(Сметанникова)

МОЯ СУДЬБА

В нашей семье было шесть сестер: Клава, Люба, Лиза, Валя, я и Зина. Жили мы в городе Шадринске. Три сестры стали инженерами. Люба, если мне не изменяет память, работала на Шадринском автоагрегатном заводе, Клава – в Свердловске, Лиза вышла замуж за военного в Архангельск, а сейчас живут в Москве.

Нас, троих младших, после смерти мамы в 1943 году направили в Шадринский детприемник, откуда распределяли в разные детские дома области.

Военный Шадринск

Когда началась война, мне было 4 года 8 месяцев. Я довольно хорошо помню, как тихий, спокойный Шадринск превратился в «муравейник». В нашем доме жильцов было человек шестнадцать, половина – дети. Большой ухоженный двор, сад. И вдруг стало некуда ступить – везде люди: забрали одну нашу комнату, кухню. Был большой на выходе, как сейчас сказали бы, «холл», в него выходило несколько дверей, – и там люди. В подвале поселились где-то уже после 1943 года.

В городе появилось множество эвакуированных, беженцев, работников вывезенных заводов, институтов, техникумов. Было много военных, одно время даже сто-

ял кавалерийский полк. Мы, дети, носились везде, любопытствовали. И, конечно, были госпитали. Сколько их было, не помню, но точно не один.

Полевой букет

Мы, воспитанники детсада, были у раненых несколько раз, но мне запомнился тот случай, когда нам сказали, что завтра мы пойдем в госпиталь и все должны принести цветы. (Это было до осени 1943-го года, мама еще была жива, она умерла 8 октября 1943 года). Мы должны были спеть, прочитать стихи и исполнить танец «Романтика». Все девочки - участницы в белых сарафанах-пачках – лепестки, а я в желтом – серединка.

У нас дома не было садовых цветов. Мама сажала астры, но они еще не расцвели. И тогда мама рано утром сходила в лес и принесла большой букет лесных и полевых цветов. Лес был близко, хотя мы и жили в центре.

Когда я пришла в детсад и увидела, какие цветы принесли другие дети: петуни, левкои, душистый табак, георгины, мне стало стыдно за свой букет, и я спрятала его в шкафчике, решив, что не понесу его в госпиталь. Однако воспитательница заметила, что я без букета, и строго приказала мне его взять.

Каково же было мое изумление, когда раненые наперебой тянулись к моему букету:

-Девочка, дай мне цветочек!

- Девочка, дай хоть травиночку!

И буквально через несколько минут разобрали мои колокольчики, ромашки, пижму, травку и все другие цветочки, что собрала мама. Я помню выражение лиц раненых, задумчиво-радостное.

Потом, с возрастом, вспоминая этот эпизод, я поняла, что мои скромные цветы напомнили этим измученным людям родные места. Ведь большинство из них

были из сельской местности, деревенские парни и мужчины. Они как-то, я бы сказала, нежно нюхали и рассматривали каждый лепесток и улыбались...

В детприемнике

После смерти мамы нас определили в детприемник. Оттуда нас с Валей и Зиной направили в Далматово. Кроме нас, еще много детей должны были ехать туда же. Но женщина, которой поручили нас сопровождать, получила с вечера документы и продукты, а утром не появилась.

Нас стали спешно рассовывать, куда придется. Первой уехала Валя (ей было 11 лет) в Ново-Петропавловку. Мне было 7 лет. Вечером я сбежала из детприемника, чтобы сказать сестрам, что Валя уехала. Отчетливо помню, как я бегу, оглядываясь, по темному уже городу, прибегаю домой, открываю дверь и с порога вываливаю: «Валю отправили!» Кто был дома, не помню, но помню, что в ответ — молчание. Я так же молча высакиваю за дверь и бегу обратно.

На следующий день рано утром к забору подошла Клава (шла с работы), принесла нам турнепс, а после завтрака вызвали к отъезду Зину (5 лет). Она очень плакала. Я, как могла, ее утешала.

Вечером опять бегом домой: «Зину отправили!» и бегом обратно. Я довольно долго еще жила в детприемнике, домой больше не бегала. Уже были трофейные фильмы. Помню «Маугли», «Три мушкетера» и другие. Мы ходили в кино, купались в речке, хотя уже было холодно, но возле электростанции был сброс горячей воды по широкому деревянному желобу. Там мы и купались.

Конечно, мы всегда были голодные. Помню, парни принесли картофельные очистки и жарили их на плите, угостили меня. Я до сих пор помню, до чего же они были горькие.

Мои бурки были в большом ходу: все, кому они были впору, носили их. По вечерам долго не спали. Старшие рассказывали страшные истории, а потом все скопом тряслись от страха.

Мне впервые понравился мальчик лет двенадцати, розовый, голубоглазый, русые кудри, кожа такая нежная, что я не утерпела, решила потрогать его. Он так мне наподдал, что я чуть не свалилась со стула. Его, правда, старшие ребята одернули: «Что маленькую обижешь?» Он меня погладил по голове и усадил рядом. Осенью нас направили в Шатрово. Я не грустила, наоборот, было интересно.

Шатрово, детский дом

Из Шадринского детприемника нас приехало девять человек (было 11, двое по дороге сбежали): Ира Сапова, я, сестры Булычевы, Витя Ашмарин, Нина Оболдина, Римма Зырянова и еще двое парней лет 15-16, которые вскоре что-то где-то украли, и их отправили в колонию.

Добирались мы двое суток с ночевкой в Мехонке. Дороги были плохие, да еще дождь шел время от времени. Помню, какие-то женщины, работавшие в поле, дали нам охапку гороха вместе со стеблями.

В Шатрово приехали вечером. Когда подъезжали, огни поселка были внизу, как в яме. Подошли к зданию детдома. В окнах кое-где был свет, но из администрации не было никого. Мы ночевали в «доме колхозника». В пути и в «доме колхозника» были разные происшествия, но писать о них – это долго...

Зима 1944-1945 г.г. была холодная, а у нас не было обуви, ходили босиком. В школу мы не ходили, занимались в клубной комнате.

Особенно неприятные воспоминания у меня о походах в столовую вечером, на ужин. Надо спуститься в кромешной тьме по обледенелой лестнице на первый

этаж, проскочить холоднющий коридорчик и открыть тяжелую дверь. Я до сих пор ощущаю скользкие ступени, холодные стены, за которые держишься, чтобы не упасть. Днем этот спуск легче, все-таки свет проникает через дверь. Ноги становятся ледяными. Почему не было обуви, не знаю. Я, например, приехала неплохо одетой: чулочки на лифчике с резинками (лифчиком называлась короткая нижняя рубашечка, на которой были пуговки, и на них закреплялись резинки для чулок), бурки, синее шерстяное платье, которое шила еще мама, пальто с крылаткой и капор. У меня это все сразу забрали, дали хэбэшный свитерок и такие же рейтзузы. На ноги – ничего. Если не было что надеть, почему забирали домашнее? Не знаю. Тогда ведь не задумывались. Подчинялись – и все.

Было очень холодно. Мы спали обычно вдвоем, чтобы накрыться двумя одеялами. Я спала со многими девочками, но мне больше всех запомнилась Циля, большая толстая девочка, постарше меня. Куда она потом делась, не помню. Циля была крупная, теплая. Я жалась к ней поближе, согревалась.

Вечерами мы теснились вокруг стола, на котором горела самодельная коптилка: ржавая консервная банка, в крышку вставлена трубочка, свернутая из жестянки, в трубке – скрученная веревочка, смоченная керосином, в жестянке – керосин. Тряпочку подтягивали руками. Мы переговаривались, рассматривали журналы, газеты – все старое. Иногда только получали новые.

Я все отчетливо вижу: комнаты, коридоры, клуб, террасы, лестницы, детей, но не могу это описать так, чтобы все это увидели и другие. Нужен особый талант.

В этот период младшие жили наверху, старшие – на первом этаже и в соседнем (наискосок) корпусе. Ленинградцы – за рекой Мостовкой, в нашем последнем доме. Мы шили, как могли, кисеты (лоскутики нам дава-

ли), клеили конверты на почту, писали солдатам письма – треугольники, кому достанутся.

В столовой стоял длинный стол и лавки по обеим сторонам. Хорошо, когда на кухне дежурила подружка: что-то да перепадет. Повар была тетя Маня, добрая, спокойная женщина. Мы любили сидеть за трубой над котлами. Там чистили картошку для супа. Для второго картошка была либо вяленая, либо сваренная в мундире, а потом поджаренная на подсолнечном масле. Это в праздник. Чаще просто в мундире (ведь война!).

В столовой посуды не было, были глиняные плошки для всего. Значительно позже появились тарелки, из них же пили чай, а позднее – из пиалок. Мне нравилось во время дежурства их укладывать в таз. Они ложились такой круглой колбаской.

Когда объединили детдома, стало сразу намного лучше. Может быть, лучше стало и потому, что война шла к концу, появилась американская помощь, во всяком случае, одежда: калоши и другое.

Ранней весной 1945 года многие дети стали разъезжаться: у кого-то нашлись родители, другие родственники, уехали ленинградцы. И весь детский дом на площади был в распоряжении двух младших групп: украинские дети и остальные. Это лето мне запомнилось больше всего. Работали в огороде рядом с домом, потом на месте огорода был построен чей-то дом. У всех было по грядке моркови. Ставили оценки за ухоженность.

Спальни были наверху, а внизу – игровые комнаты, столовая, кухня, мастерская. Было как-то спокойно: лес, речка, игры во дворе и недалеко, у клуба. Мы любили собирать цветные стеклышки и фантазировать.

Но скоро покой этот кончился: приехала большая группа детей. Кажется, из Параткуля. Приехало человек сорок. Я хорошо вижу эту картину. Мы с Дусей Евдокимовой стояли у колодца – журавля напротив клуба, возле детдома. Я дежурила по кухне, а Дуся подо-

шла помочь мне набрать воды. Она жила в другом корпусе, была постарше меня. Мне шел девятый год, а ей, пожалуй, одиннадцатый.

День был солнечный. Мы смеялись. И вдруг услышали грохот. Две брички выкатились с мостика со стороны больницы и помчались прямо к нам. Ворота во двор были открыты, так как недавно привезли картошку и рассыпали ее на дворе для просушки. Брички влетели во двор, давя картошку. Дети с криками посыпались из бричек, стали ею бросаться друг в друга. Некоторые грызли ее. Мы просто остолбенели. Я так думаю (точно не знаю, мы же не интересовались тогда), что дети были собраны на одном пункте из разных детских домов перед отправкой к нам. Они были примерно нашего возраста, но слишком возбужденные. Мне даже показалось, хулиганистые. Вновь стало тесно, не хватало еды, одежды. Теперь кровати стояли уже и в клубной комнате, никаких игровых. Потом постепенно стало все утрясаться, но это я уже плохо помню. Среди приехавших были Руфа Клопова, Галя и Бина Чемякины...

Теплые воспоминания о Марии Дмитриевне Чашковой. Когда она стала директором детского дома, многое изменилось к лучшему. И спустя годы благодаря ей мы смогли вновь встретиться.

Я помню многих, кто тогда прибыл, но не буду перечислять, вдруг ошибусь. Воспоминания сумбурные. Хочется все описать, наше опаленное войной детство, но это нелегко сделать: маловато мастерства излагать на бумаге все пережитое.

Я посвятила Марии Дмитриевне стихи:

Мне запомнился образ родной,

Добрый взгляд понимающих глаз,

Скромный дом над бегущей рекой,

Приютивший заботливо нас.

Было много доверивших Вам

Встреча воспитанников Шатровского детского дома.

Сокровенные тайны свои,
Так тянувшихся к Вашим рукам,
Ждущих ласки, вниманья, любви.
Вперемежку и отдых, и труд,
Сенокосы, дрова, огород...
Сколько было счастливых минут!
Огорченья, обиды – не в счет.
Мне запомнился праздничный бум,
Блеск костюмов, артистов задор
И восторженных зрителей шум,
И гостей новогодний убор.
Мы разъехались, слезы смахнув,
И вошли в незнакомую жизнь.
Вы ж, о нас потаенно вздохнув,
Новых пестовать чад принялись.

После войны мы, сестры, смогли встретиться и уже не теряли друг друга. Хотя судьба разбросала нас по разным уголкам России.

Валя, Зина, Нина и Люба Сухановы

А мысли мои обращены к детям двадцать первого века. Пусть они будут счастливее нас. Пусть не выпадет им доля испытать ужасы и лишения войны.

г. Москва